

МОСТЫ

4

2004

BRÜCKEN

Hefte für Literatur, Kunst und Politik

BRIDGES

Literary-artistic and social-politic almanach

© «Brücken». 2004
Printed in Germany

Редактирует – **Владимир Батшев**

Читает, советует, рекомендует, критикует

Редакционное совещание –

**Николай Боков, Юрий Дружников, Светлана Кабанова
Леонид Ицелев, Борис Дубин, Берта Фраш,
Галина Чистякова, Семен Резник, Франклин Джойс**

Дизайн – **Юрия Школьников**

Корректор – **Серафима Бронштейн**

ISSN 1613-1770

Наш адрес:
Postfach 800 833,
65929 Frankfurt am Main
Germany

Konto 652482 BLZ 50050201 Frankfurter Sparkasse

МОСТЫ

Журнал литературы, искусства, науки
и общественно-политической мысли

№ 4

2004

Содержание

Антология русской зарубежной поэзии XX века

Николай Тuroверов, Миртала Кардиналовская, Владимир Гальской, Довид Кнут,
Князь Николай Кудашев, Мария Мыслинская, Борис Нарциссов, Иван Савин,
Родион Березов, Ольга Анстей, Юрий Большухин 5

Современная русская зарубежная проза и поэзия XXI века

Лорена Доттай. Денек 18

Ирина Басова. Стихи 118

Игорь Гергенрёдер. Дайте руку королю 123

Максим Д. Шраер. Мой Бабель 204

Владимир Батшев. Из разных лет 223

Татьяна Розина. Дураков нет... 229

Виктор Фет. За стелажам. Стихи 249

Время и мы

Эдуард Бернгард. О неправой правоте 256

Сергей Дебрер. Синдром Ромуальдыча 270

Дневники, воспоминания, документы

Ирина Емельянова. Существо вне гражданства столицы 286

Вадим Козовой. След прошедших двух лет. *Избранные письма* 291

Николай Боков. Поездка к Солженицыну 311

Мария Ферман. Частная жизнь советского человека
в эпоху тоталитаризма 317

Василий Бетаки. Снова Казанова. *Продолжение* 329

За стеллажами
Цикл стихотворений

* * *

Стеллажи на четыре стены,
Звездных троп неземные полеты;
Окружают меня переплеты,
Как знакомые детские сны.

Что там дальше, за книжною клеткой?
Жизнь легла, словно теннисный корт,
А на нем карамазовский чорт
В белых туфлях и с новой ракеткой.

Он шутя отбивает твой мяч,
Черт не видно под белою маской:
Фехтовальщик ли он или врач,
Или лектор с гигантской указкой?

Эта тень пролилась из миров,
Где структура Вселенной пуста,
Словно замка разинутый ров
Под откинутой пастью моста.

В нужной форме металл не согнуть,
Не спалить ни мосты, ни галеры;
Так бессильна алхимика ртуть
Перед огненным запахом серы.

Но надушен платочка батист,
И спокоен глагол в идиоме,
И сжимается чорт-теннисист
В знак вопроса в набоковском томе.

Значит, время еще не пришло,
Хоть уже и темно, и безумно;
И, скользя по полозьям бесшумно,
Задвигается полки стекло.

Кавказ

Нет в России иного рассказа,
Чем про бурные горы Кавказа,
Про нагайку да шашку да бурку,
Да как персу досталось да турку.
Ключ в замке до конца поверну
В языки разделяющей двери,
Отличающей Мери-княжну
От английского имени Мэри.
Новых букв набросать в языке
Не дошли у Мефодия руки,
В пограничной с Кавказом реке
Разбухают славянские звуки,
Да мелькают стеклянные грани
Мандельштамовской Эривани.

Оборотного «э» оборот,
Ермака подменяющий Эрик,
Непредвиденный водоворот,
Всероссийской истории Терек,
Где от викинга до казака –
Страх раба, брага пьяной отваги,
Да эрозии буйной овраги
Аж до шапки горы Машука.
За пределами этого мира
Вряд ли что-то достойное есть,
Значит, честь удалого мундира –
Это вся, что нам выпала, честь.
Блещут неба хрустальные своды
Да текут минеральные воды.

Так страдали для общего дела
И на фоне альпийских широт
И зверюшка несчастная Бэла,
И Лаевский, моральный урод.
И эпоха, наполнив роман,
Уходила зарядом картечи
В темноту, в племена мусульман,
Не имеющих письменной речи.

Лингвист

На дереве зеленый лист
Опишет будущий лингвист.
Она придет за мною следом,
Но мне язык её неведом.
Не англичан и не поляков –
Наречий многих новый звук,
И новые сплетенья знаков,
И странные движенья рук,
И всех поэтов забытьё
На исторических примерах
Прочтут сокурсники её
В её глазах, стальных и серых.
В том веке память языков,
Сплотившись, раздробится снова,
И самый смысл земного слова
Освободится от оков.
Мы им не нужны и не близки,
От нас едва остался след;
Зачем же – через триста лет –
Печален взгляд моей лингвистики?
Затем, что средства языка,
Которым мы не овладеем,
Могли бы дать её идеям
Всю свежесть юного листка –
Но настоящих листьев нет
Уже без малого сто лет.
Деревья, звери, континенты,
Реальность наших дел и фраз
Ушли в подвалы датских баз,

И только памяти моменты
Суши, тревожны и легки,
Как в книге мёртвые цветки.

Тайна

Тайну вечного секрета
Наконец узнали мы:
Там, где есть источник света,
Должен быть источник тьмы.

Скорлупой орехов грецких
Стены мира стали вмиг
За пределом наших детских,
На страницах взрослых книг.

Кто и тьмой, и светом правит?
Кто орехи дверью давит?
Без картинок наши дни:
Разговоры в них одни.

Наши знания случайны:
Как понять, где тьма, где свет?
Может, в мире нету тайны;
Может, в этом весь секрет?

К отчету

Наш мир и вправду странен: он
Описан, но не объяснен.
Пусть вышел срок моей повестки,
Но я, конечно, был бы рад
В своём отчете о поездке
Представить карту Эльдорада,
Где страны чуждые богаты,
Где реки золотом полны –
Но странна сна координаты:
В них цифры вовсе не даны.

Пусты компьютерные диски,
Как отражение в стекле;
Хранятся в запертом столе
Недопечатанные списки
В давно забытом кабинете...
Да, интересно жить на свете!

Игра

Два понятия о мире,
О субъекте и среде:
Круг мишени в летнем тире,
Круг от камня на воде.

То ли в речке утонули
И лежим на темном дне,
То ли мы свинцом от пули
Крепко всажены в стене.

Перед нами мир не ставил
Этот выбор до поры;
Мы не знали точных правил
Узаконенной игры.

Не зажечь в пещере пламя;
Тесно помыслам моим.
Так носились над водами
В темном мире *элоим*.

О. Мандельштаму

Потомки строгой греческой семьи,
Безумные российские поэты,
Покорность *йоты* и надменность *тэты*
Усвоят с гимназической скамьи, –
А дальше что? Подымет веки Вий
Перед своей страной глухонемою,
Покрытой исторической кошмою,
Как вечным тленом новых Византий.

Империю и золото и свинец
Растопчут душу и иссушат тело;
Пой, соловей восточный, Филомела,
Не к сроку оперившийся птенец!
Еще забыться нам античным сном
На основном меридиане мира,
И на кровавых берегах Эпира,
И на российском ложе ледяном!

Природа вещей

Вещей природа не ясна.
Когда для Римов или Греций
Её придумывал Лукреций –
Другие были времена.
В те годы жертвой или лестью
Могли мы уломать богов
И наслаждаться доброй вестью
У ионийских берегов.

Теперь же, как швейцарский сыр,
Пустотами заполнен мир.
От дюн пустынь слепых и белых
И до пределов черных дыр
На вещи напозаывает тьма
Сквозь дождь на окнах запотелых.
На даче нашего ума
Настала новая зима.

Нужна ли нам вещей природа?
С ботинок мы счищаем грязь.
Что в памяти хранится? Связь
Меж электронов углерода?
Два-три курортных языка
Да полтора ненужных гранта?
Но как нам быть с идеей кванта?
Вещей природа нелегка.

Ясна поверхность, но она
Исчерчена, неинтересна.
Пусть скорость света нам известна –
Да скорость тьмы не учтена.
Весь в дырах, как мишень из тира,
В модели мир довольно прост.
Но что под шкурою у мира?
Там нету ни полей, ни звезд.

Там неоконченные стены
Пейзажей, фресок, кирпичей,
Венера, вставшая из пены
И нервный взгляд ее очей.
Там звуки флейты и гобоя,
Там на обрыве, у прибоя
Толкуют Пушкин и Шекспир –
Что, если так устроен мир?

А может быть, и по-другому.
Во все былые времена
Любовь к разрозненному тому
Была известна и нужна;
Нетерпелива и беспечна
Работа резвого пера.
Вещей природа – как вчера,
Так и завтра – будет вечно.

Нам языки даны судьбою,
Как галька пенному прибою,
И наши дни, и наши сны
В ткань мира будут вплетены.
Есть время. В глубине столетий,
У новых рек, с двух раз на третий,
Находим нужные слова.
Вещей природа такова.